ное действие сей внутренней роскоши, существующей своими избытками, своими изделиями и не передающей звонкую монету в чужие руки, действие такой роскоши нельзя назвать действием пагубным. Чего же желал Петр Великий? Того, чтобы Россия имела все свое. А потому, еще раз повторяю, если по нынешнему образованию роскошь необходима, то будем же иметь и свою роскошь. При непосредственном существовании внутренней роскоши, если одни и разорятся от прихотей тщеславных, зато подкрепится состояние сословия трудолюбивого» // Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 16.

⁷⁹ О Д.П. Руниче см.: *Азизова Е.Н.* Государственная и общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 143–170; *Кандаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 45–81; *Минаков А.Ю.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280; *Рождественский С.В.* Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919; *Martin A.M.* Op. cit.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 263, оп. 1, д. 111, л. 8.–8 об.

⁸¹ Там же, л. 12 об.

⁸² Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 6.

⁸³ Там же. С. 7.

⁸⁴ Там же С. 2, 3.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 4–5.

⁸⁷ *Федоров Б.М.* Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 17.

⁸⁸ См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

© 2010 г. Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ*

«ПОДПОЛЬНАЯ АДВОКАТУРА» И КОНСУЛЬТАЦИИ ПОВЕРЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: из сибирского опыта

Возникновение самостоятельных адвокатских организаций стало естественным следствием судебной реформы 1864 г. Тогда же, одновременно с зарождением профессиональной легальной адвокатуры, предлагаемое иными лицами юридическое содействие приобрело характер незаконности («подпольности»). «Знахари юриспруденции», «аблакатура», «ходатаи по делам», «юриспруденты», «ходоки», «подпольная юриспруденция», «подпольная адвокатура» – так в Российской империи называли многочисленную, стихийно развивавшуюся, ничем не объединенную категорию лиц, малокомпетентных, незаконно оказывавших в корыстных и неблагоприятных целях юридические услуги населению. Схватка между ними и квалифицированными юристами, возможно, особенно напряженно велась в Сибири, где Судебные уставы, утвержденные Александром II 20 ноября 1864 г., были введены лишь в 1897 г.¹ На протяжении нескольких десятилетий сквозь архаичные порядки проникали туда начала прогрессивного судебного строя, понемногу появлявшиеся деятельные и образованные юристы новой генерации погружались в среду реликтовой юстиции и были вынуждены бороться с ее пороками. Правительство зачастую не замечало

* **Крестьянников Евгений Адольфович**, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета.

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦН «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., контракт № П661 от 10.08.2009.

проблем сибирской системы правосудия. До реформы 1897 г. сибиряки «изнывали» от бесправия и «юридического голода», не имея возможности удовлетворить элементарные правовые запросы и зачастую доверяясь поверенным-проходимцам.

Положения Судебных уставов 1864 г. о независимости суда, участии в судебных процессах присяжных заседателей, презумпции невиновности, состязательности, праве подсудимых на защиту и т.д. представляли собой крупнейший шаг на пути к правовому государству и становлению гражданского общества в дореволюционной России. Уставы, произведя настоящую революцию в судебных порядках, означали, как писал выдающийся дореволюционный юрист И.Я. Фойницкий, «поворот от порядка полицейского к порядку правовому, от правительственной опеки – к системе самостоятельности и самостоятельности народной»². Однако они были введены в Сибири в ограниченном виде, а недостатки местного судоустройства и судопроизводства не позволяли в полной мере использовать потенциал реформированных судов. Степень же развития незаконных юридических услуг отражала состояние официальной юстиции.

Широкому распространению «правового знахарства» и консультационных заведений способствовал ряд причин: объективная потребность подданных в правовой помощи, отсутствие возможности ее удовлетворения государственными учреждениями, несовершенство правосудия. Дореформенное судопроизводство основывалось на розыскных началах, принцип состязательности не действовал, и следовательно в нем не было места для адвокатуры. Николаю I принадлежит знаменитое высказывание: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»³. Элементарные юридические запросы подданных удовлетворяли, по классификации, предложенной известным юристом П.Н. Обнинским, «ходатаи по делам» и просто «ходоки»⁴.

В Сибири «черная банда», как назвала в 1884 г. «подпольную адвокатуру» одна из газет края⁵, включала в себя откровенных мошенников, которые в полной мере использовали пороки дореформенного суда в меркантильных, иногда преступных интересах. Год спустя, корреспондент «Восточного обозрения» писал, что они – «ловкие аферисты, профессия которых состоит в том, чтобы быть посредниками для взяток»: «Эти лица, безнравственные и ловкие представители местной казуистики, окончательно деморализовали местные суды и лишили правосудие всякого значения»⁶. В другой статье той же газеты говорилось: «В Сибири создалась целая стая ходатаев по делам, громко именующих себя местными адвокатами. Нравственных достоинств и качеств в представителе защиты никто не искал, общество привыкло видеть местного ходатая защитником неправды, не останавливающегося ни перед подлогом, ни перед покражей документа из дела, а нередко и всего дела»⁷.

О беспомощном положении обывателя перед лицом «знахарей юриспруденции» рассказывалось в опубликованном в «Сибирской газете» письме «Адвокатура для бедных». В ней отмечалось, что не знавшие законов сибиряки, были вынуждены «идти к одному из тех, обыкновенно адвокатов, которые принимают своих клиентов в кабаках». Тот за рубль, «пару пива» и «косушку водки» писал прошение, «но большей частью ободрать обдирал, а ничего не делал, потому что сам ничего не знал и не умел». «Про надувательство и обирание бедных такими адвокатами, – констатировал корреспондент газеты, – всякий может рассказать много самых возмутительных вещей»⁸. «Дежурства» «ходатаев» в кабаках были характерным явлением, именно эти заведения чаще всего использовали в качестве своих «офисов» нечистые на руку юристы-любители⁹.

Кроме «кабацких», известен еще один тип «аблакатов», названных современниками «хлестаковыми от правосудия». Не имея образования и юридических знаний, они всячески демонстрировали внешние атрибуты профессии: солидную наружность, благопристойную обстановку в кабинете, выставленную на показ в шкафах юридическую литературу. Такие лица имели состоятельную клиентуру и немалый доход, но именно их активность была более опасной для сибирского населения и нежелательной для квалифицированной адвокатуры¹⁰. Неудивительно, что при таких условиях деятельность «адвокатов» признавалась обществом постыдной и безнравственной.

Один из участников обсуждения «Основных положений преобразования судебной части в России», курганский мещанин, выступавший в роли защитника, говоря о своем «несчастье» принадлежать к «юристам», называл своих собратьев по профессии «крючкодеями», «самозванцами-адвокатами», «трутнями»¹¹.

Дореформенный суд только способствовал развитию «подпольной юриспруденции», он ее и порождал, поскольку судебная система действовала так, что вызывала потребность в своеобразном посредничестве. Например, в Тобольском губернском суде в 1876 г. сложилась ситуация, характеризующая состояние сибирского правосудия в целом. Исполняющий обязанности председателя главного в губернии судебного учреждения П.А. Волков, по сведениям генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, «не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями». Посетители уходили ни с чем, некоторые из них больше не приходили, а тех, кто все-таки решался еще раз навестить суд, встречала та же картина. Члены суда, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы¹². Тут и возникала необходимость в специальных услугах и лицах, их оказывающих и умеющих вести дела с такими судейскими чиновниками.

25 февраля 1885 г. в сибирское судопроизводство были внесены законом элементы состязательности, что усиливало потребность в поверенных¹³. Однако официально вопрос об организации адвокатуры в Сибири не ставился, и роль защитников в суде продолжали играть случайные люди. Сотрудник «Северного вестника» Н. Арефьев писал, что и после реформы среди них «преобладающим контингентом по-прежнему являлись разные проходимцы»¹⁴. Один из немногочисленных тогда в Сибири присяжных поверенных В.П. Картамышев подверг преобразование резкой критике, поскольку оно, по его мнению, мало изменило судебные порядки: следствие по-прежнему проводили безграмотные полицейские чиновники, судили постоянно пьяные заседатели, а население оставалось в плену бесчисленных «ходатаев», большинство которых являлись ссыльными преступниками¹⁵.

Состав «подпольной адвокатуры» в разных частях Сибири был примерно одинаков: уволенные за «плутни» канцеляристы, штрафованные чиновники, отставные военные, выгнанные со службы полицейские, завсегдагаи кабаков, высланные по уголовным делам. Последняя категория представлялась наиболее многочисленной и влиятельной. Попавшие в Сибирь не по своей воле уголовники раскрывали здесь все свои способности и разворачивали бурную деятельность по оказанию «помощи» сибирякам, а новые условия этому благоприятствовали. Необходимость выживания в суровом крае, снисходительное отношение к сосланным со стороны местной администрации, опыт юридического характера, приобретенный во время предварительного следствия и скитаний по этапу – все это в союзе с «наглостью и страстью к кляузничеству», по мнению корреспондента газеты, являлось факторами, стимулировавшими занятия новоиспеченных «юристов». Они быстро забывали свои прошлые дела и начинали заниматься поиском клиентуры, консультированием и написанием «гумаг»¹⁶.

В середине 1890-х гг. один из судебных следователей Тобольской губ. целенаправленно собирал информацию о «ходатаях» и пришел к выводу, что в основном в их состав входили ссыльные из числа бывших чиновников, которым закон вообще запрещал оформлять юридические документы¹⁷. Во всеподданнейшем отчете за 1893 г. томский губернатор сообщал о происхождении и деятельности «подпольных юрисконсультов». Оказавшиеся в Сибири представители интеллигенции, писал он, «не имея никаких средств к своему пропитанию, направляют всю свою преступную деятельность на эксплуатацию местных жителей путем шантажа, подпольной адвокатуры, подговором темного несведущего люда к подаче неосновательных, кляузных прошений и жалоб, а также посредством разного рода мошеннических проделок»¹⁸.

Активность «подпольных адвокатов», считали сибирские правоведы, сводила на нет престиж адвокатской профессии, способствовала формированию подозрительного

и презрительного отношения к легальным поверенным. «Знахари юриспруденции», по едкому замечанию корреспондента «Сибирского вестника», брались «толковать законы и толковали их так, как, может быть, старый деревенский дьячок истолковал бы учение Фихте о субъективности наших знаний»¹⁹. Судебный процесс с участием «аблакаты» сводился к следующему: «Ходатай торгует собой, перебегает с одной стороны на другую, два ходатая изобличают друг друга в плутовстве, в подлогах, и никто не может разобрать, кто из них чист, так как оба они – один другого чернее». Последствия деятельности «подпольных адвокатов» выражались в «разорении легковых, заключении безвинных в катажки и тюрьмы», в возбуждении ненужных уголовных и гражданских дел²⁰. О мошеннических операциях одного из «ходатаев по делам» докладывал в 1893 г. тобольскому губернатору Н.М. Богдановичу губернский прокурор С.Г. Коваленский. Этот «защитник», получив заранее установленную плату, на заседание суда не явился, а гонорар вернуть отказался. В другом эпизоде его клиентами стали и истец, и ответчик одновременно, и он, войдя в сговор с одним из них, действовал в ущерб другому²¹.

Архаичная сибирская юстиция не могла обеспечить истребление «подпольной адвокатуры». Так, в округе Ишимского окружного суда сложилось весьма вольно обращавшееся с правосудием сообщество из председателя суда Григорьева, заседателей (кстати, не имевших никакого образования) Решикова, Козяшева и Добромыслова, а также водившего с ними дружбу и обделяющего совместные «дела» «подпольного адвоката» из ссыльных Родзянко. Двое из трех заседателей суда не выходили из «заповей», являлись на службу пьяными, валялись на улицах. Один из заседателей прислуживал купцам во время ярмарок²². Окружной судья Григорьев заставлял подчиненных «совершенно голословно» составлять отчетные ведомости²³. Вскоре его обвинили в растрате и отстранили от должности. Новый судья Рожнов запретил Родзянко посещать суд, на что «аблакат» ответил доносами в вышестоящие инстанции. Ревизовавший судебные учреждения Сибири обер-прокурор Сената П.М. Бутовский в 1892 г. констатировал «безысходное положение, в которое поставлены свежие судебные деятели, попавшие в среду сибирских судов»²⁴. Правда, известны и случаи результативной борьбы с адвокатами-мошенниками. Одного особенно деятельного «ходатая по делам» выслали из Канска в Нарым, другого подвергли непродолжительному тюремному заключению²⁵.

В ходе распространения на Сибирь Судебных уставов была создана легальная адвокатура, суд стал более доступным для населения, упростилось судопроизводство. Конкуренцию «подпольной адвокатуры» стали составлять присяжные поверенные, их помощники и частные поверенные. Мировые судьи, предоставившие малограмотному населению возможность обращаться к ним в устной форме, лишали «ходоков» части своего дохода. Так, мировой судья второго участка Ялуторовского округа убеждал крестьян не пользоваться услугами «подпольной адвокатуры», предлагая им в ущерб своему времени подавать ему прошения в устной форме. Как считал судья, этими мерами он покончил с «ходатайством» на своем участке²⁶. Некоторые мировые судьи помогали крестьянам писать протесты на свои же решения²⁷. «Юристы» пытались отстоять свое право на существование любыми способами и интригами: посылали жалобы и доносы на судебных чиновников, пытались скомпрометировать суд и официальную адвокатуру. В 1900 г. «Сибирская торговая газета» сообщила о безосновательном обвинении одного из мировых судей Тюмени представителем сословия «ходатаев» во взяточничестве (этот «подпольный адвокат», по словам корреспондента газеты, был известен «озлобленностью против всего Министерства юстиции, в каждом представителе которого видел личного врага»)²⁸.

Несмотря на усилия судебных деятелей, «подпольная юриспруденция» продолжала действовать и в начале XX в. Об ее «технологиях» и степени распространения рассказывал на страницах журнала «Сибирские вопросы» один из нелегальных «адвокатов», филолог по образованию, которого обстоятельства заставили в течение нескольких лет выступать в качестве защитника на судебных процессах в небольшом

городке Западной Сибири. По его словам, в крае «царила подпольная адвокатура», состоявшая из лиц с «темным прошлым» и невысокими нравственными качествами²⁹. «Подпольная адвокатура, как в городе, так и в деревне обирает население, – говорил на публичном собрании томской юридической консультации, посвященном 40-летнему юбилею Судебных уставов, присяжный поверенный А.А. Кийков, – втягивает его в кляузы и развращает, вселяя убеждение в продажности суда и адвокатуры»³⁰. Типичный пример из жизни и деятельности «юриста» начала XX в. запечатлен в метафоричной форме в рукописи небольшой поэмы томских юристов «Макариаде». «Аблакат» Макар – «жид, хотя крещеный», начинал с игры на скрипке в питейном заведении, однако скудные заработки заставили его сменить профессию, и «задумал дерзкий плут вылезть в адвокаты». Этому способствовало то, что жил он на участке мирового судьи, нечистоплотного в моральном отношении и падкого на взятки, который, к тому же, снимал у него дом. Бывший скрипач и служитель Фемиды стали взаимовыгодно сотрудничать. В результате, Макар «два подлога учинил», «обобрал вдову, сирот», наконец, «векселя он стал скупать»³¹.

Развитию незаконной «адвокатуры» содействовал недостаток присяжных поверенных и их перегруженность делами. К примеру, в Тюмени (крупнейшем городе Тобольской губ.) действовали один присяжный поверенный, один помощник присяжного поверенного и трое частных поверенных³². Неудивительно, что там, как сообщала в 1900 г. «Сибирская торговая газета», «развелось» много «подпольных аблакатов»³³. Квалифицированная адвокатура оставалась недоступной не только для сельского населения, но и для горожан. В дореволюционный период присяжные поверенные не решились избрать местом своего проживания западносибирские города Тару, Туринск, Тюкалинск, Березов, Сургут, Змеиногорск, Кузнецк и Мариинск³⁴. «Для низших слоев городского населения, особенно при мелких исках, обращаться к присяжному поверенному почти немислимо, – объяснял современник причину успеха незаконной “адвокатуры”, – хороший возьмет и хорошие деньги, но еще чаще просто откажется за обилием дел. А к заведомо плохому кому охота идти? Пусть “подпольный” тоже плох, но он, во-первых, дешев, во-вторых, обладает красноречием голодного, вполне достаточным, чтобы убедить клиента “подмахнуть” доверенность. Но на суде это красноречие, конечно, спасует, а прошение окажется никуда негодным»³⁵.

Распространению «подпольной адвокатуры» способствовало и недоверие правительства к организациям присяжных поверенных. До 1911 г. в округе Омской судебной палаты отсутствовал совет присяжных поверенных. При Иркутской судебной палате совет, учрежденный на основании закона 24 ноября 1904 г.³⁶, был закрыт в годы первой революции³⁷. В феврале 1912 г. закрылись просуществовавшие менее 3 месяцев томская и омская комиссии (организации) помощников присяжных поверенных³⁸. К тому же власть явно не приветствовала деятельность открываемых по инициативе присяжных поверенных неофициальных «юридических консультаций» (вопрос об их легализации так и не был решен)³⁹. Профессиональная адвокатура была разобщена, а ее самостоятельное развитие искусственно сдерживалось, что несомненно препятствовало искоренению «юридического плутовства».

Сибирское судопроизводство отличалось наличием многочисленных формальностей письменного характера. По «бумагомаранию» сибирский суд превосходил другие суды империи, чем и пользовались местные «ходоки». Кроме того, судебные учреждения были чрезвычайно обременены делами. Мировые судьи рассматривали в 2–3 раза больше дел, нежели предусматривалось высшими нормами. При этом в Сибири судебные учреждения постоянно перемещались: мировые судьи разъезжали в пределах участков, окружные суды – в рамках губерний и областей, судебные палаты – в границах своих округов. Поэтому проживание квалифицированного адвоката в селении, куда окружной суд заезжал для проведения сессий, скажем, четырежды в год, грозило бездеятельностью. Присяжные поверенные должны были переезжать вслед за выездными составами судов, что представляло существенные неудобства. Известны случаи,

когда они и их помощники не имели возможности сопровождать разъезжающие судебные учреждения⁴⁰.

На деле главным средством борьбы с «подпольной адвокатурой» в дореволюционной России являлись юридические консультации. Хотя создание юридических консультаций законом не предусматривалось, практика деятельности новых судов, принципы пореформенного судоустройства и судопроизводства, появление квалифицированной адвокатуры привели к возникновению этих организаций, а сама жизнь легализовала их право на существование. Первое такое учреждение открылось в 1870 г. в Санкт-Петербурге⁴¹. Образование консультаций отвечало острой потребности адвокатов во взаимодействии, самостоятельности, независимости, без которых успешное развитие их корпорации было невозможно. В известной мере данные условия обеспечивали сформировавшиеся на основании Судебных уставов советы присяжных поверенных – официальные органы корпоративного самоуправления. Однако с середины 1870-х гг. учреждение советов там, где они еще не были образованы, приостановилось (их правами и обязанностями в этом случае временно наделялись окружные суды). В результате, в империи присяжные поверенные делились на две категории, права которых существенно различались. В губерниях, где действовали советы (округа Санкт-Петербургской, Московской и Харьковской судебных палат), как констатировали чиновники Министерства юстиции в 1890-х гг., «присяжные поверенные округа каждой палаты представляли из себя отдельное сословие, имеющее особый орган своего общественного самоуправления», тогда как в округах прочих судебных палат (Киевской, Одесской, Казанской, Саратовской, Виленской, Тифлисской и Варшавской) «присяжные поверенные являлись лишь совокупностью отдельных лиц одного и того же рода занятий, но не состоящих между собой ни в какой определенной связи и не пользующихся правами самоуправления»⁴². Этот порядок, как справедливо указывал И.Я. Фойницкий, «в корне нарушал независимость адвокатуры и задерживал ее последовательное развитие»⁴³. Разобщенные между собой поверенные стремились к различным формам объединения, одной из которых и становились быстро распространявшиеся юридические консультации. В 1900 г. они действовали в 30 городах⁴⁴, а через 5 лет – в 71 городе России⁴⁵. В Сибири в начале XX в. они появились в Омске, Томске, Барнауле и Иркутске⁴⁶. Входившие в их состав присяжные и частные поверенные, а также помощники присяжных поверенных оказывали помощь бесплатно или за весьма умеренную плату. Однако возможности консультаций были ограниченными. Простор для деятельности самозванных правоведа оставался.

Смелая для той поры идея консультационных учреждений, волновавшая умы наиболее прогрессивных адвокатов всей России, в Сибири начала получать воплощение в 1880-х гг. благодаря энергии общественного и судебного деятеля В.П. Картамышева, заслужившего репутацию юриста, желавшего улучшить сибирское правосудие путем распространения юридических знаний и внесшего весомый вклад в формирование правосознания местного населения. Он был одним из немногих, кто бесплатно оказывал юридическую помощь неимущим сибирякам, а в октябре 1883 г. предложил занимавшимся адвокатурой томичам объединиться в консультацию, наподобие киевской (сам Картамышев бывший киевлянин), которая могла бы оказывать юридические услуги местным жителям как за плату, так и безвозмездно, оградив их от «подпольных адвокатов». Некоторые юристы приветствовали этот почин, назвав его «добрым начинанием»⁴⁷, но были и скептики, сомневавшиеся в том, что наличие даже общедоступной квалифицированной юридической помощи будет способствовать правовому просвещению населения и защитит его от зла, распространяемого разными «ходатаями». В «Восточном обозрении» писали: «Мы не думаем, чтобы эта консультация помешала людям ловким обдeldывать дела. Они могут втереться даже сюда»⁴⁸.

Когда в Сибири были введены Судебные уставы 1864 г., советы присяжных поверенных, по общему правилу, не учреждались, и сразу же был поставлен вопрос о создании консультационных обществ. В 1898 г. томские адвокаты выработали первоначальный проект такого учреждения, но из-за неприятия данной инициативы тогдашним

председателем Томского окружного суда он пролежал «под сукном» 3 года. Следующий председатель суда, А.В. Витте, идею одобрил, и благодаря ему проект был весьма быстро рассмотрен: 30 мая 1902 г. присяжные поверенные внесли его в окружной суд, а уже 1 июня общее собрание суда разрешило открыть консультацию, утвердив ее правила⁴⁹. Целью организации провозглашалось «оказание общедоступной юридической помощи населению путем подачи словесных советов, составления деловых бумаг и письменных заключений». Предполагалось взимание платы за устные советы от 25 коп. до 3 руб., за оформление бумаг и заключений – до 25 руб., однако в правилах особо оговаривалось, что «бедные» освобождались от оплаты «по усмотрению консультанта»⁵⁰. На практике же платеж за услуги представлялся «доброй воле просителя»⁵¹.

Помимо решения своей непосредственной задачи, консультация должна была способствовать сплочению адвокатов. Ее учредители стремились возложить на нее часть функций отсутствовавшего совета присяжных поверенных. Так, ст. 14 составленного ими проекта правил предусматривала дисциплинарную ответственность участников организации: «Все случаи нарушения членами консультации профессиональных обязанностей или совершения деяний, несовместимых со званием поверенного, бюро (орган управления консультацией. – *Е.К.*), удостоверившись по тщательном расследовании в наличии инкриминируемого деяния, передает на обсуждение общего собрания членов консультации, которое разрешает их при закрытых дверях, но открытой баллотировкой лишь при наличии не менее $\frac{2}{3}$ общего состава членов консультации, находящихся в данное время в г. Томске, и большинством $\frac{2}{3}$ голосов. Такое собрание может, по выслушивании объяснений от лица, о котором идет речь, высказать ему товарищеское порицание или даже исключить временно или навсегда из состава консультации»⁵². По мнению члена консультационного бюро П.В. Вологодского, это была лучшая идея всего документа, но когда уже утвержденный окружным судом проект поступил на рассмотрение судебной палаты, данное положение изъяли из правил⁵³.

В начале деятельности томской консультации спрос на ее услуги неуклонно возрастал. За первый год она приняла 1 448 клиентов, за второй – 1 921, за третий – 4 385. Причем подавляющее число посетителей составляли ремесленники, чернорабочие, крестьяне, прислуга. Отмечалась тенденция роста количества бесплатных услуг и уменьшения платных. В первый год даром было обслужено 79% клиентов, во второй – 81%, в третий – 86.7%⁵⁴. Для сравнения, тогда же в Ростове-на-Дону безвозмездно получили помощь консультационных учреждений 68% клиентов, в Воронеже – 56.6%, в Екатеринославе – 51.5%, в Киеве – 49.9%, в Житомире – до 16% просителей, бесплатными консультациями помощников присяжных поверенных при Московском съезде мировых судей воспользовалось 55% просителей⁵⁵. В отчете консультации Армавира прямо говорилось о том, что клиенты не должны думать, будто «консультация – благотворительное учреждение, где им оказывают юридическую помощь из милости»⁵⁶. Томская же консультация за третий год своей работы собрала с клиентов мизерную сумму – 209 руб. 19 коп.⁵⁷, что соответствовало годовой стоимости освещения и отопления одной квартиры в Томске⁵⁸, т.е. ее деятельность во многом носила благотворительный характер. Некоторые лица явно злоупотребляли бескорыстием томской консультации. Как отмечали сотрудники консультационного бюро, многие из обратившихся за бесплатной юридической помощью, судя по их внешнему виду и характеру дел, были в состоянии оплатить совет или составление документа⁵⁹.

Уничтожение «подпольной адвокатуры» являлось одной из важнейших целей создания юридических консультаций. «Ввиду обнаружившейся значительной потребности малоимущего населения г. Санкт-Петербурга в помощи юристов-специалистов, которые могли бы своими знаниями и добросовестным отношением к делу заменить распространивших свою вредную деятельность среди бедного населения негласных ходатаев, и предполагается организовать на окраинах консультации», – указывали на рубеже XIX и XX вв. столичные присяжные поверенные⁶⁰. «Юристы» не собирались сдаваться и действовали напористо и бесцеремонно. Например, в Житомире «подпольные ходатаи... со свойственной им дерзостью уводили под разными вымыш-

ленными предложениями из-под самых дверей» клиентов консультации⁶¹. И все же в борьбе с адвокатами-проходимцами консультационные заведения одерживали верх. Итогом работы консультации в Томске, по словам корреспондента «Сибирских вопросов», стало то, что «население вырвалось из цепких лап подпольных адвокатов»⁶².

Впрочем, значение консультаций не ограничивалось бескорыстной помощью малоимущим. В частности, при томской адвокатской организации сложился институт делопроизводителей, готовивших разного рода документы и набиравшихся почти исключительно из студентов-юристов Томского университета. В иных подобных учреждениях деловые бумаги составляли за определенную плату специально приглашенные для этого писцы, для студентов же такие занятия были отличной юридической школой, в которой они приобретали практический опыт⁶³. Другая особенность томской консультации была связана с известной изолированностью или удаленностью поверенных Сибири от российской адвокатуры и с отсутствием разобщенности между различными их категориями. В Томске, согласно ст. 2 правил, устанавливалось, что «присяжные поверенные входят в состав консультации по самому своему званию», «помощники же присяжных поверенных и частные поверенные принимаются в члены консультации лишь по закрытой баллотировке общего собрания членов консультации»⁶⁴. Между тем в Европейской части страны консультации обычно объединяли либо исключительно присяжных поверенных, либо одних их помощников.

Деятельность консультации позитивно сказывалась на развитии местной адвокатской корпорации. На общих собраниях в Томске зачитывались доклады, темами которых были насущные проблемы судебной практики, при консультации существовала библиотека с огромным фондом периодических изданий (прежде всего, юридических)⁶⁵. Томские поверенные рассылали отчеты своей консультации и другие сведения о ее деятельности во все аналогичные организации России, судебные палаты и окружные суды, а также некоторым авторитетным адвокатам, настойчиво прося присылать такие же материалы в Томск. К сожалению, поступало их очень мало⁶⁶. Поверенные-томичи активно поддержали идею консолидации адвокатской корпорации и приняли участие во Всероссийском съезде представителей консультаций, организованном консультацией при Московском мировом съезде⁶⁷.

Общество положительно оценивало деятельность консультационных учреждений, но они плохо вписывались в систему авторитарного государства. После революции 1905–1907 гг. и повышения политической активности адвокатов правительство усмотрело в корпоративных организациях поверенных угрозу политическому режиму. 2 марта 1909 г. Сенат распорядился закрыть консультации, ссылаясь на то, что их юридический статус законодательно не определен. 22 сентября 1909 г. Томский окружной суд упразднил томскую юридическую консультацию⁶⁸.

Подобные меры наглядно свидетельствовали о противоречивости политики правительства. С одной стороны, в конце XIX – начале XX в. оно отчетливо осознавало, что деятельность «подпольной адвокатуры» в России, превратившись в настоящее бедствие, представляла серьезную угрозу общественной и государственной безопасности. Так, еще 17 июня 1898 г. циркуляр министра внутренних дел предписал губернаторам во избежание крестьянских волнений установить особое наблюдение за «сельскими адвокатами», которые приравнивались к «пришлым людям, не имеющим определенных занятий», «агитаторам», «порочным людям» и «буйным крестьянам»⁶⁹. Уголовное право начала XX в. пополнилось нормой об уголовной ответственности «подпольных адвокатов». С другой стороны, государство препятствовало усилиям общества, направленным на искоренение «юридического знахарства». Примечательно, что распоряжение о закрытии консультаций саботировалось самим же судебным и административным начальством: лишь часть из них была ликвидирована, а остальные продолжали действовать в разных концах империи «под прикрытием» местных чиновников, видевших в них бесспорную пользу в борьбе с «подпольной юриспруденцией»⁷⁰.

Примечания

- ¹ ПСЗ-III. Т. 16. № 12 932.
- ² *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. М., 1996. С. 42.
- ³ Цит. по: Старый суд. Очерки и воспоминания Н.М. Колмакова // Русская старина. 1886. № 12. С. 536.
- ⁴ *Обнинский П.Н.* Откуда идет деморализация нашей адвокатуры // *Обнинский П.Н.* Сборник статей. М., 1914. С. 195.
- ⁵ Восточное обозрение. 1884. 24 мая.
- ⁶ Там же. 1885. 6 июня.
- ⁷ Там же. 20 июля.
- ⁸ Сибирская газета. 1883. 18 сентября.
- ⁹ См.: *Попова А.Д.* Деятельность пореформенной судебной системы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 5. С. 46.
- ¹⁰ Сибирский вестник. 1893. 16 декабря.
- ¹¹ Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 107.
- ¹² Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГУТО ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 750, л. 8; д. 751, л. 4–4 об., 9–10.
- ¹³ ПСЗ-III. Т. 5. № 2770.
- ¹⁴ *Арефьев Н.* В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 55.
- ¹⁵ Сибирский вестник. 1885. 16 октября; 1886. 1 мая.
- ¹⁶ Восточное обозрение. 1888. 4 декабря; 1890. 16 сентября.
- ¹⁷ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124.
- ¹⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 223, д. 113, л. 14.
- ¹⁹ Сибирский вестник. 1891. 13 января.
- ²⁰ Восточное обозрение. 1890. 16 сентября.
- ²¹ ГУТО ГАТ, ф. 479, оп. 2, д. 10, л. 12.
- ²² Там же, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33–34.
- ²³ Государственный архив Тюменской области, ф. И-40, оп. 2, д. 386, л. 55–56, 109.
- ²⁴ ГУТО ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 33–36.
- ²⁵ Восточное обозрение. 1890. 16 сентября.
- ²⁶ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 43, л. 124–128.
- ²⁷ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. Томск, 1906. С. 12.
- ²⁸ Сибирская торговая газета. 1900. 1, 2 апреля.
- ²⁹ *И.Т.* На поприще адвокатуры // Сибирские вопросы. 1912. № 11–12. С. 23.
- ³⁰ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 12.
- ³¹ Государственный архив Томской области (далее – ГА ТО), ф. Ф-10, оп. 1, д. 115, л. 360–362.
- ³² Адрес-календарь Тобольской губернии на 1900 г. Тобольск, 1899. С. 9.
- ³³ Сибирская торговая газета. 1900. 2 июня.
- ³⁴ Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за второй год. С 18 мая 1912 г. по 18 мая 1913 г. Омск, 1914. С. 123–125; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год третий. Омск, 1914. С. 102–103; Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за 1913 г. Год четвертый. Омск, 1915. С. 143–145.
- ³⁵ *Л.К.* Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 16.
- ³⁶ ПСЗ-III. Т. 24. № 25414.
- ³⁷ См.: Хроника // Право. 1906. 23 апреля; *Шахерова С.Л.* Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 20.
- ³⁸ Отчет совета присяжных поверенных округа Омской судебной палаты за первый год: С 18 мая 1911 г. по 18 мая 1912 г. Омск, 1913. С. 14; РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 203, л. 12–19.
- ³⁹ См.: *Гессен И.В.* Адвокатура, общество и государство (1864–1914) // История русской адвокатуры. Т. 1. М., 1997. С. 357–358; ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 49–52.
- ⁴⁰ *И.Т.* Указ. соч. С. 22.
- ⁴¹ См.: *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. С. 331.

⁴² Обсуждение вопроса об изменениях в устройстве адвокатуры // Высочайше учрежденная при Министерстве юстиции комиссия для пересмотра положений по судебной части. СПб., 1897. С. 118.

⁴³ *Фойницкий И.Я.* Указ. соч. С. 489.

⁴⁴ Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... С. 37.

⁴⁵ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 22–24.

⁴⁶ См.: *Адоньева И.Г.* Судебные преобразования в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. в оценках местной юридической интеллигенции. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. С. 187; Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при Житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости за 1903 г. (С 7 января по 20 декабря 1903 г.). Житомир, 1904. С. 8; Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде за 1900 г. (С 1 января 1900 г. по 1 января 1909 г.). М., 1901. С. 37; ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 1.

⁴⁷ Сибирская газета. 1883. 2 октября.

⁴⁸ Восточное обозрение. 1883. 17 ноября.

⁴⁹ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6.

⁵⁰ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 1–1 об., 16, 17^а.

⁵¹ *Л.К.* Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 16.

⁵² ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 17.

⁵³ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6–7, 26.

⁵⁴ Там же. С. 4, 8, 17.

⁵⁵ Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при съезде мировых судей Ростовского на Дону судебно-мирового округа за 1905–1906 гг. Ростов н/Д, [1907]. С. 8; Отчет консультационного бюро при Екатеринославском окружном суде за 1906 г. Екатеринослав, 1907. С. 9; Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 8; Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости... С. 12; Отчет о деятельности консультации помощников присяжных поверенных при Московском мировом съезде... С. 14.

⁵⁶ Отчет консультации поверенных при Армавирском съезде мировых судей: В селе Армавир Кубанской области с 10 июня 1904 г. по 10 июня 1905 г. Армавир, 1905. С. 9.

⁵⁷ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 19.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 139, л. 6–7.

⁵⁹ Сибирская жизнь. 1904. 27 октября.

⁶⁰ Цит. по: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 308.

⁶¹ Отчет о деятельности консультационного бюро присяжной адвокатуры при житомирском городском комитете попечительств о народной трезвости... С. 5.

⁶² *Л.К.* Указ. соч. С. 16.

⁶³ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 7–8, 30; *Л.К.* Указ. соч. С. 16.

⁶⁴ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 27, л. 16.

⁶⁵ Там же, д. 115, л. 352, 359; Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 6–17.

⁶⁶ Отчет о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде... С. 5–6.

⁶⁷ ГА ТО, ф. Ф-10, оп. 1, д. 115, л. 18–19, 26 об.

⁶⁸ Там же, д. 27, л. 49, 50–52 об.

⁶⁹ ГУТО ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 31, л. 56.

⁷⁰ См.: *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 357–358.